

Татьяна Черноверская

О ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕКСТА НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО, НО ВОЗМОЖНОГО

Работа над «Дневником Элеоноры» [1] побудила меня некогда задуматься над природой собственной деятельности, над тем, существует ли принципиальное отличие подобного рода реконструкции от художественной литературы, от исторической беллетристики. В чем разница между «Записками викторианского джентльмена» Маргарет Форстер [11], написавшей автобиографию У.М. Теккерея, дневником Ивана Пущина в «Большом Жанно» Н.Я. Эйдельмана [15] и исторической повестью А.П. Левандовского «Сердце моего Марата» [5], написанной в *форме* воспоминаний близкого ему молодого человека? И существует ли принципиальное отличие того и другого от «Дневника Элеоноры»?

Современные тенденции историописания, возрождение нарратива, настойчивое стремление вернуть исторической науке былую общественную значимость, невольно приводят на память те далекие времена, когда история еще не была наукой, когда исторические сочинения создавались по законам драматургии. Тогда в обычае было поручать историческому персонажу монолог, или речь, которую он если и не произнес, то должен был произнести, дабы объяснить мотивы своих действий (объяснить как своим подданным, так и читателям). Однако что это как не *реконструкция текста несуществующего, но возможного*? Правда, уже у Лоренцо Валлы [3] персонажами, произносящими такие монологи, становятся Сенат и Народ Римский, что свидетельствует об осознании условности этого риторического приема.

По мере того как история отделялась от литературы и превращалась в науку, дидактические задачи историописания сменялись стремлением познать прошлое в его отличии от настоящего, вывести более или менее

общие закономерности исторического развития. При этом роль исторического воображения неуклонно сокращалась, и в то же время обычным стало создание исторических трудов, понятных и интересных лишь узкому кругу узких специалистов.

В контексте современного состояния историописания *реконструкция текста несуществующего, но возможного* технически ставит те же проблемы, что и воссоздание альтернативной картины исторического развития от какой-либо точки бифуркации. Однако, судя по дискуссии на страницах альманаха «Одиссей-2000» (4), предметом внимания в этом случае становятся проблемы *глобального* масштаба; если же при этом будет использоваться и реконструкция несуществующего текста, она будет носить вспомогательный характер. Например, в известном эссе-шутке Арнольда Тойнби «Если бы Александр не умер тогда» [9] можно было бы вставить реконструированный текст указа, которым заболевший в Вавилоне Александр вручает полномочия по управлению своей империей Эвмену Пердикке и Птолемею - с него и начинается альтернативное развитие истории, - но это лишь утяжелило бы текст эссе, ничего принципиально значимого не добавив к общей его идее.

Самостоятельный интерес *реконструкция текста несуществующего, но возможного* приобретает при изменении масштаба, когда предметом ее становится, например, текст личного характера. Воссоздание такого рода текста позволяет исследователю изменить не только масштаб, но и угол зрения. От характера исторических данных, на основании которых осуществляется реконструкция, зависит то, какие именно задачи могут быть при этом поставлены и решены. Так, Н.Я. Эйдельман «поделился» с Иваном Пушциным собственными исследовательскими гипотезами, которые не мог в то время иным способом сделать достоянием читателей - и стал объектом резкой критики за искажение исторических фактов и отступления от известных данных биографии Большого Жанно [6]. М. Форстер имела в своем распоряжении многочисленные и разнообразные тексты, написанные *знаменитым писателем* Теккереем, что позволило автору «Записок викторианского джентльмена» не только проникнуть в внутренний мир своего героя, но и воспроизвести с высокой степенью точности его индивидуальный писательский стиль, сделав именно это, прежде всего, предметом реконструкции.

Данные же, имеющие хоть какое-то отношение к Элеоноре Дюпле настолько скудны, что ставить вопрос о полноценной реконструкции внутреннего мира этой женщины едва ли правомерно. В то же время, как мне представляется, «Дневник Элеоноры» мог бы позволить в непривычном масштабе и под непривычным углом зрения взглянуть на некоторые про-

блемы истории Великой французской революции, а если точнее - на человека, чье имя, как правило, отождествляется с этой Революцией, на Максимилиана Робеспьера. Это тем более интересно, что большая часть людей, близких ему политически и лично, погибли вместе с ним, а победители 9 термидора имели возможность уничтожить бумаги, компрометирующие их, либо позволяющие оправдать поверженного противника, и большая часть мемуаров оставлена также ими. Когда же у тех из друзей, кому довелось выжить, появилась, наконец, возможность высказаться, мир, в котором они живут, радикальным образом переменялся, у авторов и читателей романтической эпохи сформировались иные архетипические образы героев-революционеров, и это не могло не наложить отпечаток на характер воспоминаний [10, С. 424; 14. С. 64.].

Что же именно могло бы послужить материалом для такой реконструкции?

Смоделировать угол зрения и характер письма можно по аналогии с другими женскими текстами, имеющими отношение к тому же времени и персональному окружению. Прежде всего это дневник Люсиль Демулен [19], а также воспоминания Элизабет Леба [20], младшей сестры Элеоноры, и Шарлотты Робеспьер [8]: хотя характеры у этих женщин разные и выросли сестры Дюпле, Люсиль Дюплесси и Шарлотта Робеспьер в неодинаковой социальной среде, но они все практически ровесницы, и судя по всему, получили сходное образование (дочери столяра Дюпле тоже обучались в монастырском пансионе); кроме того, не участвуя непосредственно в событиях Революции, они близко общались с крупнейшими ее деятелями. Помимо этого, не только на образ мыслей и чувств молодой девушки, но и на способ выражения их на письме, оказывали влияние те романы, которые она читала (точнее - должна была читать, подобно большинству образованных девушек своего времени).

Однако, для воссоздания «дневника Элеоноры» этого материала явно недостаточно - воспоминания Элизабет и Шарлотты хотя и содержат интересные подробности, рассказывают об отдельных эпизодах жизни семейства Дюпле, все же чрезвычайно кратки и фрагментарны. Из воспоминаний Элизабет Леба о том, как она познакомилась со своим будущим мужем, можно сделать вывод о том, что она достаточно часто посещала заседания Конвента и Якобинского клуба, нередко вместе с Шарлоттой Робеспьер; Элеонора наверняка тоже. Поэтому еще одним источником реконструкции ее дневника должны стать протоколы заседаний этих больших собраний; рассматривать их следует последовательно, день за днем, но особое внимание обращать на те, где ожидалось интересные выступления, в особенности, если это были выступления Робеспьера, - или ка-

кие-то события. Но, рассказывая о них, следует иметь в виду специфическую точку зрения молодой достаточно образованной девушки, поскольку ее внимание зачастую привлекает не то, что кажется важным мужчинам, вовлеченным в политику.

Элеонора училась живописи у одного из самых известных художников своего времени - Жана-Батиста Реньо. Этот факт не только добавляет некоторые черты ее духовному облику, позволяет предположить, что именно могло привлекать ее внимание, но и требует детального изучения художественной жизни Парижа в годы Революции, а также судьбы и творчества ее учителя.

Реконструировать повседневную жизнь семейства Дюпле и жизнь Робеспьера в их доме позволяют и другие свидетельства современников, посещавших этот дом регулярно (например, Фрерон), или оставивших воспоминания об одно-, двух-кратном (полу)официальном визите к Робеспьеру (Баррас - или юный Милинджен) [18]. В то же время, хотя в доме Дюпле не было постоянной прислуги, а дочери по традиции воспитывались как будущие хозяйки домашнего очага, вопрос о том, в какой мере в дневнике Элеоноры могли найти отражение хозяйственные заботы, для меня остается пока открытым. Для его решения необходимо детальное знакомство с динамикой цен на различные продукты на Парижских рынках, а также с тем, когда и какие продукты становились проблемой, предметом обсуждения. Ориентиром здесь мог бы стать, например, «Дневник Селестена Гитара, парижского буржуа» (Характерно заглавие, данное Р. Обером комментариям к этому дневнику: «*в домашних тапочках через террор*») [17].

Наконец, бесценный материал для реконструкции представляет информация о тех людях, которые бывали в доме Дюпле, в том числе и тех, которые сами не оставили об этом воспоминаний, но о ком со слов других известно как о постоянных посетителях (Камилл и Люсиль Демулен, Петион Леба Давид, Буонарроти - Дидье, Никола, Каландини и мн. др.). Поскольку среди них немало известных деятелей Революции, литература о которых достаточно обширна, в ряде случаев оказывается возможным говорить об особенностях взаимоотношений между ними по поводу отдельных событий или происшествий.

Этот перечень является далеко не исчерпывающим, он лишь позволяет отметить наиболее значимые ориентиры. Но важнейшим условием исторической реконструкции *дневника* является выполнение работы последовательно, без забегания вперед. При этом воссозданию каждого очередного небольшого отрезка времени в дневнике и должен предшествовать анализ по описанной выше модели.

Что может дать для познания прошлого такого рода реконструкция вообще, и данный опыт *реконструкции текста несуществующего но возможного* в частности? Прежде всего, позволю себе не согласиться мнением Франсуа Фюре, считающего, что для понимания феномена Робеспьера в истории Французской революции не имеют большого значения его индивидуальные личные качества [12, С. 65, 69]. Ведь эти *персональные* качества, а также личнь/е обстоятельства жизни и деятельности Робеспьера не могли не оказывать влияния на характер восприятия им проблем окружающего мира, на принятие тех или иных решений, и пренебрежение ими приводит к тому, что обобщающая концепция Французской революции вступает в противоречие с этими *частностями*. Возьмем, к примеру, Б. Бачко: он пишет о «политическом, а также психологическом и экзистенциальном» опыте участия Робеспьера в отправлении власти «в условиях растущего влияния его в Комитете [...] повышения его авторитета [...] особенно [...] после речи 18 флореаля» [2, С. 150], - но по свидетельствам современников как раз в это самое время персональное соперничество, противоречия в ближайшем политическом окружении Робеспьера, в Комитете общественного спасения, начинают все более обостряться, доходят до открытых стычек... Не означает ли это, что самый «опыт участия в отправлении власти» был для Робеспьера качественно иным, чем представляет читателю Бачко?

В то же время, как справедливо отмечает Хилари Мантел, «Если хочешь писать о Робеспьере, не нужно бояться ошибок. В противном случае любая фраза будет изобиловать условными и уточняющими оборотами, а любая цитата - сопровождаться извинительным "утверждают, что...". Придется то и дело противоречить себе, поскольку сам Робеспьер часто себе противоречил. Если захочешь понять, почему этот человек вызывал такое острое восхищение и столь же острое отвращение, нужно будет изучить не столько его многочисленные биографии, сколько личности и судьбы тех людей, которые о нем писали» [7].

Уделяя пристальное внимание частностям, важно не сводить к ним одним историю Революции. Но современные исследования репрезентации власти наглядно демонстрируют, сколь значимым фактором в политической репрезентации может стать частная жизнь публичного человека [16, С. 439-450; 13, С. 47-48].

С другой стороны, в настоящее время признана самоценность исследования повседневной частной жизни людей, и данная «реконструкция» может рассматриваться как опыт микроисторического исследования частной жизни конкретной исторической личности в семье, членом которой он стал волею обстоятельств.

В чем же отличие такой реконструкции от традиционной исторической беллетристики, и существует ли такое отличие? Думается, существует, и оно прежде всего в тех *задачах*, которые ставит перед собою пишущий. Для писателя, как правило, исторический материал является прежде всего средством, способом *самовыражения*, - либо, когда речь идет о беллетризованной истории, формой, способом *представления* читателю наработанного наукой исторического материала. Напротив, при *исторической реконструкции текста несуществующего, но возможного*, художественное воображение приобретает функции способа познания прошлого, становится способом решения некоторых познавательных задач.

Литература.

1. «Если бы Элеонора уела дневник» - авторская версия с заметками на полях [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://pylippel.newmail.ru/Journal_d_Eleonore.html
2. Бачко, Б. Робеспьер и террор [Текст] / Б. Бачко; пер. с фр. Д.Ю. Бовыкинэ // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина. - М. : Изд-во Ин-та всеобщей истории РАН, 1998. - С. 141-154.
3. Вала, Л. Рассуждение о подложности так называемой Дарственной грамоты Константина [Текст] / Л. Вала // Итальянские гуманисты о церкви и религии. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 139-216.
4. История в сослагательном наклонении [Текст] // Одиссей. Человек в истории. 2000. - М.: Наука, 2000. - С. 5-85.
5. Левандовский, А.П. Сердце моего Марата. Повесть о великом французском революционере [Текст] / А.П. Левандовский. - М.: Политиздат. 1975. - 478 с.
6. Литературная газета. - 1983. - 21 сентября; - 1984. - 11 января и 1 февраля.
7. Мантел, Х Робеспьер [Электронный ресурс] / Х. Маител // Интеллектуальный форум. 2000, вып. 3. - Режим доступа: http://pylippei.newmail.ru/articles/m3ntel_r.htm.
8. Робеспьер, Ш. Воспоминания [Текст] / Ш. Робеспьер. - М.: Госиздат, 1925. - 64 с.
9. Тойнби, А. Если бы Александр не умер тогда... [Электронный ресурс] / Тойнби А.Дж. // Знание - Сила. - 1979. - № 12. - Режим доступа: <http://vivovcco.rsi.ru/VV/PAPERS/HISTORY/TBY1.NTM>
10. Филимонова, М.А. Сен-Жюст как архетип революционера в европейской культуре [Текст] / М.А. Филимонова // Культура. Образование. Человек. - Курск, 2003. - С. 423-433.
11. Форстер, М. Записки викторианского джентльмена: Уильям Мейкпис Теккерей [Текст] / ГУ. Форстер. - М.: Книга, 1985. - 368 с.
12. Фюре, Ф. Постигание Французской революции [Текст] / Ф. Фюре; пер. с фр. Д.В. Соловьева. • СПб. : ИНАПРЕСС, 1998. - 224 с.
13. Черноверская, Т.А. «Jeun homme atroce et teatral»: К вопросу о театральной природе политического дискурса Французской революции [Текст] / Т.А. Черноверская // XVIII век: театр и кулисы. Сборник научных трудов. - М. : Экон-информ, 2006. - С. 41-49.
14. Черноверская, Т.А. «У народов действительно свободных, женщины свободны и окружены любовью» (vertu и гендерные стереотипы робеспьеристов: идеал и действительность) / Г.А. Черноверская // XVIII век: женское / мужское в культуре эпохи. Научный сборник. - М. : Экон-Ииформ. 2008, - С. 63-71.
15. Эйдельман, Н.Я. Большой Жанно: Повесть об Иване Пущине [Текст] / И.Я. Эйдельман. - М.: Политиздат, 1982. - 366 с.

16. Ямпольский, М. Физиология символического. Книга 1. возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима (Текст) / М. Ямпольский. - М. : НЛО, 2004.-800 с.
17. Aubert, R. En pantoufles sous la terreur, reflexions et commentates sur le journal d'un bourgeois de pans, 1791-1796 [Text] / R. Aubert. - Paris : Editions France-empire, 1974. - 109 p.
18. Jacob, L Robespierre vu par ses contemporains (Text) / L. Jacob. - Paris: Armand Colin 1938, 225 p.
19. Journal 1788-1793 de Lucile Desmoulins [Text] / Texte etabli et presente par Philippe leieune - Paris: Editions des Cendres, 1995. - 164 p.
20. Manuscrit de Mme Le Bas (Text) // Stefane-Pol (Paul Coutant). Autour de Robespierre: le Conventionnel Le Bas / Stefane-Pol. - Paris : E. Flammarion, 1901. - P. 104-106.